

ПРОГРАММА ВСТУПИТЕЛЬНОГО ИСПЫТАНИЯ В МАГИСТРАТУРУ по дисциплине «ФИЛОЛОГИЯ КАК ОБЛАСТЬ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

1. Цель и задачи вступительного испытания

Основной целью вступительных испытаний является установление у поступающих уровня сформированных компетенций, необходимых для освоения основной образовательной программы подготовки магистров филологического образования.

2. Основные требования к уровню подготовки

На вступительных испытаниях абитуриент должен:

- *знать и понимать* основные типологические признаки научного текста;
- *знать* характеристику жанрового разнообразия письменного научного текста;
- *владеть* навыками анализа научного текста в соответствии с нормами и сферой коммуникации;
- *выделять* терминологические единицы в научном тексте и понимать их значение;
- *адаптировать* научный текст в соответствии с поставленными задачами.

3. Форма вступительного испытания и его процедура

Вступительное испытание проводится в форме письменного анализа текста. Объем текста – 4500-5000 знаков. Вступительное испытание проводится в один этап. Для выполнения заданий предоставляется два академических часа (90 мин). Объявление итогов происходит в соответствии с графиком оглашения результатов вступительных испытаний в магистратуру.

4. Содержание программы

Научная коммуникация и научный текст. Проблемное поле научного текста и предметная область знаний. Научный текст и его характеристики. Типологические признаки научного текста. Нормы и особенности письменной научной коммуникации. Способы адаптации письменного научного текста: аннотация научного текста и ее создание; тезисы и способы их формирования. Ключевые слова к тексту и их функциональное назначение. Терминологическое поле текста, специальные термины и их признаки, глоссарии и терминологические словари.

5. Критерии оценки

Максимальное количество баллов на вступительном испытании – 100.

№	Критерии оценивания	Максимальное количество баллов
1	Знает и понимает основные типологические признаки конкретного научного текста	20
2	Знает основные признаки термина и умеет выделять терминологические единицы в тексте	15
3	Владеет навыками интерпретации научного текста и составления аннотации к научному тексту	15
4	Умеет составлять опорные тезисы текста	10
5	Умеет составлять список ключевых слов к научному тексту	10
6	Знает типологические признаки и характеристики научного текста и способен определить область научных знаний и доказать основную проблематику текста	15
7	Владеет навыками понимания научного текста и способен на основании прочитанного фрагмента предложить название текста	10
8	Владеет языком, присущим научному стилю речи	5
ВСЕГО		100

6. Примерный перечень вопросов и типов заданий для подготовки к вступительному испытанию

В экзаменационный билет могут быть включены следующие задания, ориентированные на выявление умений и навыков работы с научным текстом и знание специфики научной коммуникации.

Например.

На основе знаний характерных признаков научного стиля:

- доказать принадлежность конкретного текста к сфере научной коммуникации.

На основе знаний характерных признаков и типологии терминов:

- выбрать из текста специальные термины и аргументировать их принадлежность к терминологическому полю текста.

На основе знаний типологических признаков и характеристик научного текста:

1. *составить*:

- аннотацию;
- список ключевых слов;
- опорные тезисы.

2. *предложить*

- название;

3. *определить*:

- основную проблематику;
- область научных знаний.

7. Рекомендуемая литература

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. – М., 2008. Стр. 289-319 (Научный стиль).

Котюрова М.П. Культура научной речи: Текст и его редактирование. – Пермь, 2005.

Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – Издательство: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. – СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003. – 280 с.

Интернет-источники:

Федеральный образовательный портал – www.edu.ru

Образовательный портал – www.gramota.ru

8. Авторы-составители программы

Беляева Л.Н., доктор филологических наук, профессор;

Виландеберк А.А., кандидат филологических наук, доцент;

Куликова И.С., кандидат филологических наук, доцент;

Лысакова И.П., доктор филологических наук, профессор;

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор;

Шубина Н.Л., доктор филологических наук, профессор.

9. Приложение

Образцы текстов для анализа

Текст № 1.

Шимберг С.С. Универсальное и идиоэтническое в англоязычном и русскоязычном научном дискурсе (переводческий аспект) // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Сб. статей к юб. проф. Н.А. Кобриной: Часть II. Текст и перевод в когнитивном аспекте. / Отв. ред. Н.А. Абиева, Е.А. Беличенко. – СПб., 2005.

<...> Научный (шире – научно-технический) дискурс (НТД) на первый взгляд предстает наиболее унифицированным и строгим из всех видов дискурса, исключая какую-либо вариативность в разных культурах, что может быть связано с его адресованностью прежде всего специалистам в определенной области науки или техники независимо от их национально-культурной принадлежности. НТД на любом языке имеет в качестве главной коммуникативной цели концептуально-информативную. При этом к универсальным требованиям к структуре НТД относятся логичность (строгая последовательность, четкая связь между основной идеей и деталями), точность и объективность. Отдельные тексты, принадлежащие к данному дискурсу, могут обладать указанными чертами в большей или меньшей степени, однако у всех таких текстов обнаруживается преимущественное использование языковых средств, которые способствуют удовлетворению потребностей данной сферы общения. В области **лексики** это прежде всего использование научно-технической терминологии и так называемой специальной лексики. Одно из различий

русского и английского НТД заключается в том, что русская терминология в целом является более эксплицитной. Это проявляется, в частности, в большей длине термина в русском языке по сравнению с английским. По данным исследования В. И. Хайруллина, средняя длина русского термина составляет 2,45 слова, в то время как английского – 2,19. Автор объясняет это явление общим стремлением английского языка и мышления к экономии [Хайруллин 1992: 11]. Тенденция английского языкового сознания не выводить на поверхность все компоненты содержания термина приводит к тому, что переводчик, находясь на стадии восприятия текста, может столкнуться с трудностями понимания.

Например, встретив в тексте сочетание *a remote crane* или *a liquid rocket*, переводчик должен распознать в них эллиптические формы сочетаний *a remote-operated crane* и *liquid-fuelled rocket*. ...

<...> Говоря о лексике, нельзя не отметить, что русскоязычный НТД характеризуется большей терминологизацией по сравнению с англоязычным. Под большей терминологизацией мы понимаем преобладание в русском НТД слов, обладающих необходимыми свойствами термина – однозначностью, точностью, неэмоциональностью. Сопоставление английской и русской терминосистем показывает, что в английском НТД гораздо больше терминов образовалось путем метафорического или метонимического переноса значения из сферы общенационального языка в специальный подъязык, например: *hole* – *скважина*, *dead* – *находящийся не под током*, *ripple* – *пульсация*, *life* – *эксплуатационный период*, *mud* – *буровой раствор* и т. д. Как видно из примеров, русские соответствия являются более точными, «строго научными» наименованиями, лишенными какой-либо образности.

НТД обнаруживает и целый ряд **грамматических** особенностей. Конечно, не существует какой-либо «научно-технической грамматики», однако ряд грамматических явлений отмечается в данном типе дискурса чаще, чем в других, некоторые явления, напротив, встречаются в нем сравнительно редко, другие используются лишь с характерным «лексическим наполнением».

Универсальной чертой НТД является его **номинативность**, то есть преобладание именных структур. Дело не только в том, что в научных и технических текстах много названий реальных объектов. Материал показывает, что в таких текстах номинализируются и описания процессов и действий. Вместо того чтобы сказать *to clean after the welding* (*очистить после сварки*), специалист говорит *to do post-welding cleaning*.

Таким образом, основную смысловую нагрузку в предложении несут существительные, а глаголы становятся лишь общим обозначением процессуальности, своего рода «операторами» при имени, значение и перевод которых всецело зависит от существительных. Идиоэтнический фактор проявляется в том, что русскоязычному НТД номинативность свойственна в гораздо большей степени, чем англоязычному. Ср. *The engine is power that makes the wheels go round and the car move.* – *Двигатель служит источником энергии для вращения колес и движения автомобиля. A fuel pump, which pulls the gasoline through the fuel line.* – *Бензонасос, обеспечивающий подачу горючего по бензопроводу...* Для переводчика с английского языка на русский это означает замену в процессе перевода английских глаголов существительными.

Русскоязычному переводчику необходимо преодолеть свой национальный стиль мышления и постараться выразить тот же самый концепт более «глагольно», а не

копировать русскую номинативную речь. То же относится и к длинным конструкциям с родительным падежом, столь распространенным в русском НТД. При «слепо» переводе они превращаются в цепочки существительных, связанных предлогом *of* – громоздкие конструкции, чуждые хорошей английской речи [Рябцева, 1999: 590].

Рябцева Н.К. Новый словарь-справочник активного типа. Научная речь на английском языке. – М., 1999.

Хайруллин В. И. Перевод научного текста (лингвокультурный аспект). – М., 1992.

Текст № 2.

Лотман Ю.М. *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - XIX века).* - СПб, 1994.С.5-6.

Культура, прежде всего, — понятие коллективное. Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в ее развитии, тем не менее по своей природе культура, как и язык, — явление общественное, то есть социальное(.....).

Следовательно, культура есть нечто общее для какого-либо коллектива — группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией. Из этого вытекает, что культура есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются. (Организационная структура, объединяющая людей, живущих в одно время, называется синхронной, и мы в дальнейшем будем пользоваться этим понятием при определении ряда сторон интересующего нас явления). Всякая структура, обслуживающая сферу социального общения, есть язык. Это означает, что она образует определенную систему знаков, употребляемых в соответствии с известными членам данного коллектива правилами. Знаками же мы называем любое материальное выражение (слова, рисунки, вещи и т. д.), которое имеет значение и, таким образом, может служить средством передачи смысла.

Следовательно, культура имеет, во-первых, коммуникационную и, во-вторых, символическую природу. Остановимся на этой последней. Подумаем о таком простом и привычном, как хлеб. Хлеб веществен и зрим. Он имеет вес, форму, его можно разрезать, съесть. Съеденный хлеб вступает в физиологический контакт с человеком. В этой его функции про него нельзя спросить: что он означает? Он имеет употребление, а не значение. Но когда мы произносим: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь», — слово «хлеб» означает не просто хлеб как вещь, а имеет более широкое значение: «пища, потребная для жизни». А когда в Евангелии от Иоанна читаем слова Христа: «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать» (Иоанн, 6:35), то перед нами — сложное символическое значение и самого предмета, и обозначающего его слова. Меч также не более чем предмет. Как вещь он может быть выкован или сломан, его можно поместить в витрину музея, и им можно убить человека. Это все — употребление его как предмета, но когда, будучи прикреплен к поясу или поддерживаемый перевязью помещен на бедре, меч символизирует свободного человека и является «знаком вободы», он уже предстает как символ и принадлежит культуре. В XVIII веке русский и европейский дворянин не носит меча — на боку его висит шпага (иногда крошечная, почти игрушечная парадная шпага, которая оружием практически не является). В этом случае шпага — символ символа: она означает меч, а меч означает принадлежность к привилегированному сословию. Принадлежность к дворянству означает и обязательность определенных правил поведения, принципов чести, даже покроя одежды. Мы знаем случаи, когда «ношение неприличной

дворянину одежды» (то есть крестьянского платья) или также «неприличной дворянину» бороды делались предметом тревоги политической полиции и самого императора. Шпага как оружие, шпага как часть одежды, шпага как символ, знак дворянства — все это различные функции предмета в общем контексте культуры.

Текст № 3.

Лейчик В.М. Глобализация и национальная терминология// Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, - М., 2007, с. 129 - 130.

В мире европейско-азиатско-американской (христианской) цивилизации существует, по крайней мере, три точки зрения на современную глобализацию. Согласно первой точке зрения, которая отражает наиболее распространенные процессы в материальной и духовной культуре, включающей экономику, с середины XX в. Тенденция глобализации постоянно нарастает. Признание глобализации естественной и неизбежной тенденцией в современном мире позволяет объяснить и международный обмен в сфере духовной культуры, и создание материальных и духовных продуктов мирового уровня по содержанию и национальных по форме, в частности, по языку. Одним из вариантов этой первой точки зрения является предпочтение американской экономики и культуры, что имеет под собой серьезные основания: действительно, многие достижения цивилизации имеют свое начало в США с их пионерскими решениями в сфере информационных технологий, военной, промышленной и бытовой техники. Однако приравнивание глобализации к американизации несостоятельно. В научной и общественно-политической литературе последних лет содержится значительное количество опровержений высказываний Д. Кристала, который отстаивает позицию тождества глобализации и американизации.

Рациональный подход к глобализации оставляет место политике регионализации с выделением в качестве центров научно-технического и общественного прогресса ряда стран Западной Европы, России, Японии и Юго-Восточной Азии. Вторая точка зрения – позиция антиглобалистов, направленная на устранение преобладания США и некоторых других высокоразвитых стран и провозглашение приоритета национализма (вплоть до расизма и шовинизма), ни по методам действий, ни по объектам, подвергающимся разрушению, ни по идеологическим установкам – не находит оправдания и не устраняет условий, способствующих неизбежности глобализма. Третья точка зрения на глобализацию начала развиваться лишь в самые последние годы как реакция на две предшествующие. Она состоит в том, что естественное расширение глобализации и появление единой интернациональной материальной и духовной культуры будет достигнуто через расцвет национальных, по крайней мере, региональных культур, в том числе через развитие субглобальных центров, включая расцвет ряда так называемых мировых языков и их естественное сближение (вначале – гармонизацию). Проблема мультилингвализма является в настоящее время и надолго останется актуальной в любой точке земного шара. По словам известного ученого Вяч. Вс. Иванова, в настоящее время в мире имеется несколько областей преобладания того или иного языка, на котором формируется региональная культура, затем по разным направлениям сближающаяся с другими. Это области распространения китайского языка (1075 млн. носителей), японского языка (885 млн. говорящих), английского языка во всех его вариантах (514 млн. носителей и пользователей), русского языка (275 млн. носителей и пользователей), арабского языка (несколько десятков миллионов носителей), испанского языка (425 млн.

носителей – в Европе, Центральной и Южной Америке), французского языка (129 млн. носителей и пользователей), немецкого языка (129 млн. носителей). Результатом распространения перечисленных и некоторых других языков является создание ряда субглобальных центров языка и культуры. В настоящее время не стоит вопрос о создании единого интернационального (мирового) языка и даже интернациональной научной, технической, технологической, экономической терминологии (В. В. Акуленко); вероятно, в течение долгого времени сохранится несколько центров, использующих так называемые мировые языки, и, таким образом, проблема мультилингвализма и взаимного перевода с языка на язык не снимается с повестки дня. Одним из таких центров являются Россия и примыкающие к ней страны, где русский язык, в частности, русская терминология, выступают на первый план. Проблема мультилингвализма несколько преобразуется в современную эпоху: в тех случаях, когда уровень науки, техники, технологии у представителей отдельных субглобальных центров примерно одинаков, базируется на достижениях глобализации, в том числе совместной практической и научной деятельности и оформления результатов этой деятельности на одном (например, русском или английско-американском) языке, включая терминологию и профессиональную лексику (сфера вычислительной техники и технологии и др.), возможно добиться использования единого языка (не исключаящего варианты на отдельных языковых уровнях). В тех же случаях, когда национальный или региональный компонент неустраним или даже имеет важное научное или экономическое значение, применяются разработанные в последнее время научные методы гармонизации языка, в том числе терминологии (см. имеющиеся источники).

Литература

1. *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004.
2. *Crystal D.* English as a global language. Cambridge, 2003.
3. Интернациональные элементы в лексике и терминологии / Ред. В. В. Акуленко. Харьков, 1980.
4. *Лейчик В. М.* Прикладное терминоведение и его направления // Прикладное языкознание: Учебник / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 1996. С. 276–286, особ. с. 279–280: «гармонизация терминосистем».
5. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.